

Л.С. ЦЫДЫПОВА, Ц.Б. ДАШПИЛОВ

Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН,
664033, Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1, Россия, tsidipovaluda@mail.ru, tsirik81@mail.ru

**ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РОДОВОГО СОСТАВА,
ЧИСЛЕННОСТИ И РАССЕЛЕНИЯ ЭВЕНКОВ БАРГУЗИНСКОГО ПРИБАЙКАЛЯ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVII–XX В.)**

Рассмотрены особенности родового состава, численности и расселения эвенков Баргузинского Прибайкалья в период с XVII по XX в. Исследование проводилось с помощью методов культурной географии, использованы данные статистического учета населения, архивные документы и другие исторические источники. В работе также применяется концепция этнокультурного ландшафта, которая позволяет изучать взаимосвязь между сообществом, культурной традицией и местом. Исследование сфокусировано на родовом составе, численности и расселении эвенков с учетом этноконтактных зон и социально-культурных стандартов. Основными источниками данных являются работы исследователей, архивные материалы и полевые исследования авторов. Анализ позволил охарактеризовать процессы формирования численности и идентификации эвенков Баргузинского Прибайкалья. Природный ландшафт оказывает влияние на хозяйство и расселение этнической группы. Выявлена ареальная устойчивость расселения и приуроченность к необходимым природным ресурсам для жизнеобеспечения. Показано, что родовой состав эвенков проявляет относительную стабильность, но в то же время подвержен влиянию миграционной подвижности и межкультурных контактов. Основные районы исторического расселения эвенков связаны с охотничье-промысловым и скотоводческим комплексами. Наибольшая численность эвенков и количество населенных пунктов с долей эвенкийского населения были зафиксированы в дореволюционный период. В советский период произошли изменения в расселении и коренная геокультурная перестройка образа жизни эвенков. С того времени и до настоящего момента продолжается трансформация традиционного уклада жизни и идентичности баргузинских эвенков. На основе историко-географического подхода обобщены данные о расселении эвенкийской этнической группы, приуроченному к скотоводческому и охотничье-промысловому ареалам. Материалы полевых наблюдений подтверждают преемственность исторической памяти, культурных традиций локальных групп, их особенности и значение в обживании пространства. Особенности родового состава и локализации родов баргузинских эвенков XVII–нач. XIX в. повлияли на формирования современного расселения эвенкийского и смешанного населения Баргузинского Прибайкалья.

Ключевые слова: баргузинские эвенки, родовые группы, статистический учет, этнокультурный ландшафт, идентификация, расселение.

L.S. TSYDYPOVA, Ts.B. DASHPILOV

V.B. Sochava Institute of Geography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
664033, Irkutsk, ul. Ulan-Batorskaya, 1, Russia, tsidipovaluda@mail.ru, tsirik81@mail.ru

**HISTORICAL AND GEOGRAPHICAL FEATURES OF FORMATION
OF THE TRIBAL COMPOSITION, POPULATION AND SETTLEMENT OF THE EVENKS
OF THE BARGUZIN BAIKAL REGION (SECOND HALF OF THE 17th–20th CENTURIES)**

This article discusses the features of the tribal composition, population and settlement of the Evenks of the Barguzin Baikal region in the period from the 17th to the 20th centuries. The study was conducted using the methods of cultural geography, statistical data of the population, archival documents and other historical sources. The paper also applies the concept of ethno-cultural landscape, which allows studying the relationship between community, cultural tradition and place. The study is focused on the tribal composition, number and distribution of the Evenks, taking into account ethno-contact zones and socio-cultural standards. The main sources of data are the works of researchers, archival materials and field studies of the authors. The analysis made it possible to characterize the processes of formation of the number and identification of the Evenks of the Barguzin Baikal region. The natural landscape has an impact on the economy and settlement of the ethnic group. The areal stability of settlement and confinement to the necessary natural resources for life support have been revealed. It is shown that the tribal composition of the Evenks exhibits relative stability, but at the same time it is subjected to the influence of migratory mobility and intercultural

contacts. The main areas of the historical settlement of the Evenks are associated with hunting, fishing and cattle-breeding complexes. The largest number of Evenks and the number of settlements with a share of the Evenk population were recorded in the pre-revolutionary period. During the Soviet period, there were changes in settlement and a radical geocultural restructuring of the Evenks' way of life. From that time to the present, the transformation of the traditional way of life and identity of the Barguzin Evenks has continued. On the basis of the historical-geographical approach, the data on the settlement of the Evenk ethnic group, confined to the cattle-breeding and hunting-trading areas, are summarized. The materials of field observations confirm the continuity of historical memory, cultural traditions of local groups, their features and significance in the habitation of space. Features of the tribal composition and localization of the genera of the Barguzin Evenks of the 17th – early 19th century influenced the formation of the modern settlement of the Evenk and mixed population of the Barguzin Baikal region.

Keywords: Barguzin Evenks, tribal group, statistical recording, ethnocultural landscape, identification, settlement.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение истории и географии культурных традиций коренных малочисленных народов Севера России как важнейшего параметра восприятия современного мира является актуальной проблемой. Эвенки — автохтонные жители Баргузинского Прибайкалья — заселяли территории, представляющие собой занятые островной лесостепью и степью днища котловины, располагающиеся в окружении горно-таежных ареалов. В долине р. Баргузин луговые степи сменяются лесостепями и заболоченными участками. Лесная растительность преобладает в предгорных районах и на склонах рек (до 1100–1300 м), территория отличается богатством биологических ресурсов, востребованных традиционным природопользованием [1]. Климат Баргузинского Прибайкалья в целом резко континентальный, сравнительно суровый и засушливый, более суровый в горных районах Баргузинского и Икатского хребтов и верховьях р. Баргузин. Разнообразие природных условий и культурные контакты с пришлым населением послужили базой формирования различных систем природопользования коренных жителей: охотничье-промысловой, скотоводческой, скотоводческо-земледельческой. Региональное своеобразие хозяйственных моделей и образа жизни отразилось на социально-демографических чертах эвенкийского социума.

Цель данной статьи — это характеристика особенностей родового состава, численности и расселения эвенков Баргузинского Прибайкалья во второй половине XVII–XX вв.

ОБЪЕКТ И МЕТОДЫ

Объект исследования представляет собой эвенкийскую этническую группу в современных границах Баргузинского и Курумканского муниципальных районов Республики Бурятия. В работе использованы количественные и качественные методы культурной географии (интервью, опрос, наблюдение). Обобщены локальные материалы статистического учета населения, документы архивов, иные исторические источники XVII–XIX вв. Анализ формирования численности и идентификации эвенков Баргузинского Прибайкалья и картографирование на основе исторических и архивных источников, полевых материалов позволили детально охарактеризовать данные процессы.

Теоретической основой исследования служит концепция этнокультурного ландшафта, которая позволяет фиксировать соотношение «сообщество–культурная традиция–место». Степень культурной адаптации под воздействием миграций, изменения геополитической ситуации, трансформации и адаптации сообществ определяет спектр географически упорядоченных этнокультурных ситуаций [2].

Природный ландшафт во многом влияет на тип хозяйства и жизнеобеспечения, которые, в свою очередь, задают рисунок расселения с учетом этноконтактных зон, специфику социальных и культурных стандартов восприятия социальной, этнической и природной среды [3]. Важнейшими показателями динамики этнокультурных ландшафтов для народов, ведущих близкий к традиционному образ жизни, являются родовой состав, численность, расселение этнической группы. Исследование эвенков Баргузинского Прибайкалья (XVII–XXI вв.) с позиций исторической этногеографии и культурной географии выявляет особенности формирования этнической группы. Современное эвенкийское сообщество, его устройство, родовой состав, численность, расселение представляет собой результат пространственно-временных наслоений природно-ландшафтных, этнокультурных и хозяйственных связей. В обзоре данных родового состава, численности, расселения баргузинских эвенков мы опирались на работы Б.О. Долгих [4], С.П. Крашенинникова [5], С.К. Патканова [6], материалы Национального архива Республики Бурятия, полевые материалы авторов. Площадь территории исследования составляет 31024 км² в административных границах Курумканского и Баргузинского районов Республики Бурятия.

ГЕОГРАФИЯ И ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ 2024 № 1

156

156

баргузинских эвенков, «представители рода Киндыгир по численности занимали ведущее место на территории Прибайкалья, несли воинскую службу в годы империалистической войны и принимали участие в гражданской войне» [10, с. 29–42].

Эвенкийским родовым группам в рассматриваемый период была свойственна высокая миграционная подвижность, связанная с обложением данью и стремлением уйти от злоупотреблений. Так, представители рода намегир, в русских документах известные как намясинцы, практически полностью оставили Баргузинскую долину в середине XVII в. Н. Спафарий встречал их представителей на р. Ган, за Аргунью, в 1675–1676 гг. Часть баргузинских конных тунгусов в XVII в. также покинула Баргузинскую долину и вошла в состав нерчинских конных тунгусов, в их числе были баликагиры, намегиры и почегоры. В 1669 г. количество плательщиков ясака распределялось по родам следующим образом: лимагиров — 75 человек, баликагиров — 63, киндыгиров — 30, някугиров — 23, чильчагиров — 5, намясинцев — 4 человека [11].

Общая численность тунгусского населения Баргузинской долины точно не учтена, она колебалась от 800 до 1000 чел. В результате интенсивных миграционных процессов к началу XVIII в. поселения эвенков расположились в устье р. Джирги в Ягдагской местности, в пос. Улюн в местности Подгорного шлейфа Баргузинского хребта, урочищах Икат, Разгон (Гарга), Сувокан в отрогах Икатского хребта, а также Епишка, Сухая, Алла, Курумкан на склонах Баргузинского хребта [12].

В материалах путешествия С.П. Крашенинникова (1736) сообщается: «Из вышеприписанных родов один род Челчигирский оленный, а прочие конные. Где которой род больше кочует, того знать невозможно, они где кому угодно кочуют. Житие и вера их от нерчинских ничем не разнится. Труды их состоят в промысле зверей, которых они за Кучидским и Байнтовым острожками по хребтам промысливают. Питаются звериным мясом, которых упромысливают, в зиму сарану и лук запасают. Богатство конных тунгусов состоит в скоте, а оленных — в оленях. В обоих родах, как в конном, так и в оленном, сказывают они, что больше убогих, нежели богатых находится» [5, с. 137–138].

Во второй половине XVIII в. на территории проживания имелись кочевые родовые общины, за которыми закреплялись охотничьи угодья, используемые как скотоводческие пастбища. В 1766 г. в Баунтовском, Баргузинском и Верхне-Ангарском острогах обитало шесть родов эвенков численностью 1025 душ [13]. П. Малых в 1924 г. исконным местом пребывания баргузинских эвенков называл северо-восточную часть Баргузинской тайги: левый берег р. Витима от устья Каренгидо Муи (с востока), по Южно-Муйскому хребту (с севера), по Икатскому хребту (линией от Витимкана до устья Каренги (с юга) [14].

На протяжении рассматриваемого периода на территории Баргузинского Прибайкалья преобладали родовые группы лимагир и баликагир (рис. 2, а). Удельный вес эвенков в период между третьей

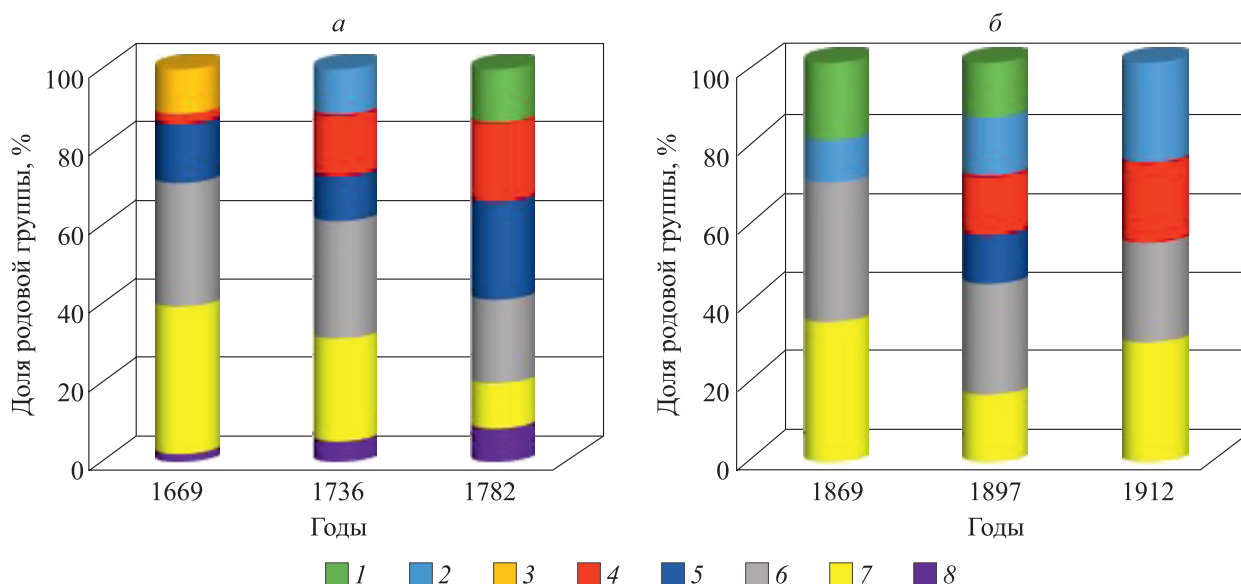

Рис. 2. Соотношение родовых групп баргузинских эвенков в XVII–XX вв. [12, 13, 15, 16, 20, 25].

Родовые группы: 1 — Шемагирский, 2 — Мунгальский, 3 — Някугир, 4 — Чильчагир, 5 — Киндыгир, 6 — Баликагир, 7 — Лимагир, 8 — Намясинский.

(1736 г.) и четвертой (1782 г.) ревизиями незначительно увеличился — до 7 % всей группы. Основную долю составляли ясачные инородцы, 1 % приходился на служилых людей.

Изменения в расселении и родовом составе эвенков в XIX–XX вв. С началом действия программы изучения населения России в 1850 г. во всех губернских отделениях Русского географического общества (РГО) были составлены отчеты на основе сведений путешественников, исследователей, глав ведомств. Согласно летописи, составленной тайшой Баргузинской степной думы Ц.-Ж. Сахаровым в 1869 г., в Баргузинском Прибайкалье при р. Бодон в 50 верстах от г. Баргузина жили четыре рода кочующих тунгусов (мунгальский, лимагирский, галзутский и боликагирский) под управлением Баргузинской тунгусской народной управы [15].

Сахаров отмечал, что «баргузинские кочующие тунгусы ведут жизнь кочевую, как и буряты, и живут, подобно им, зимой в домах, а летом в юртах. Занимаются скотоводством и хлебопашеством. Веры шаманской, за исключением некоторой части, принявшей православие. Среди группы бродячих тунгусов на территории указаны шимагирские тунгусы (орочены), бродят по берегу Байкала и по речкам Худайто, Черемша, Чивиркую и прочие, впадающим в Байкал с юго-востока. Они зверопромышленники. Для сдачи ясака выходят к концу года в г. Баргузин. Ближайшее местопребывание их от г. Баргузина в 100 верстах. Все баргузинские тунгусы управляются родовыми шуленьгами» [15, с. 76–77].

В материалах комиссии Куломзина для изучения состояния землевладения, землепользования и хозяйства в Забайкальской области в 1897 г. указано, что «По рассказам стариков Баргузинской степной думы, до прихода бурят долина реки Баргузина принадлежала тунгусам. Тунгусы Баргузинского ведомства из всего тунгусского населения Забайкалья составили 1,3 % (Баргузинская инородная управа). На 100 жителей обоего полу по Баргузинскому округу число тунгусов составило 1,3» [16, с. 40–41].

Миграция почти половины эвенков в Северо-Байкальский и Баунтовский районы последовала за вспышкой сибирской язвы в 1896 г. Отток отразился на хозяйственном укладе: баргузинские эвенки промышляли, ориентируясь на рынок, им приходилось арендовать охотничьи угодья у северо-байкальских и баунтовских эвенков [17].

В 1898 г. забайкальские тунгусы входили в Урульгинскую степную думу и две инородные управы — Армакскую и Баргузинскую. Эвенки Баргузинской тунгусской управы кочевали чересполосно с баргузинскими бурятами, начиная от верховьев р. Баргузин до границ Читканской волости. Кроме того, в Баргузинском округе имелись бродячие тунгусы, у которых существовало три родовых управления: Баунтовское, Верхне- и Нижне-Ангарское [16].

Основные места расселения и хозяйственной деятельности этнической группы были сосредоточены в северо-восточной части Баргузинской тайги. Эвенки к тому времени были представлены следующими административными родами: в составе лимагир и тепкагир в группу чильчагир входили этнические подразделения якал и чалкагир, в состав мунгальского рода — асивагат, гальдзогир и цонголир, баликагир — выходцы из Нерчинска, примкнувшие ранее к конным тунгусам — мурченам. Наиболее значительным селением в тот момент являлся улус Беловодско-Хабаржанский [16].

Данный факт подтверждают сообщения старожилов: «...все эвенки которые у нас есть — это беловодские эвенки, с Белых вод», «Белые воды назвали, потому что от ветров образовывались белые буруны. Когда это название возникло — не знаю, хотя эвенки там всегда жили» (с. Курумкан). Согласно С.К. Патканову, «другие самостоятельные управы суть Ина-Амнанский и Жирга, улусы Заскалик, Сахули, Ентыхек, Нама, Самахай, Барянкур и Верхний Курумкан представляли тунгусские колонии среди одноименных бурятских улусов Баргузинского ведомства, разбросанных в долине верхнего Баргузина. Сверх того, тунгусов этой управы проживали в с. Бодонском совместно с русскими и тунгусами Подлеморско-Шемагирского родового управления, в с. Сувинском Читканской волости этой управы и в других селениях. Всего в тунгусских селениях и в 8 колониях в 1897 г. числилось 105 хозяйств (3 одиноких), которые составляют небольшой процент всего населения района. На одно хозяйство у тунгусов 11-ти селений приходится 4,0 душ (без одиноких 4,1 душ). На 100 мужчин — 114 женщин» [18, с. 605].

Отметим, что к концу XIX в. большинство баргузинских эвенков относилось к категории инородцев и в листах переписи населения записывались как «ясачные» и «служилые». Для их жизненного уклада было характерно почти полное отсутствие земледелия, развитие скотоводства по бурятскому типу и сохранение полуседлого кочевого ритма освоения угодий. Основной ареал кочевий эвенков располагался в низовьях р. Баргузин. Места кочевания локализовались вблизи рек и ручьев Бодон, Тукала, Кунгурга, Онкули, Ина, Аламбурга, Подхребетный.

У эвенков сохранилась память об исторической преемственности расселения и хозяйства, об этом свидетельствуют наши полевые материалы. «...на Белых водах многие тогда жили куренями по 8–10 домов. Раньше там в основном эвенки жили. Бабушка рассказывала, что отец у нее зажиточный был, у него 8–10 лошадей было, овец держал, разного скота. Он ездил охотиться в местность Элин-Бурга. Отсюда из Курумкана когда едешь, Буха шулун проезжаешь, там есть перешеек, раньше там заимка была, чабанская стоянка. Хорошо видно ее, налево посмотришь, здоровенная такая высокая лысая гора. Вот это Элин-Бурга. В летнее время всем делил по семьям, кто мог сохранял в ямах: из листвяка лап наложат, сверху солью присыпают и все закрывают лапником. И мясо хранилось и не портилось. Холодильников же не было. Добывал чисто на еду. Как закончится, снова своего коня Сирко запрягал и опять на охоту. И так он наш курень кормил. Зимой свой скот. Свиней и коз не держали...» (с. Курумкан, 2022).

Семейно-родовые группы лимагир, баликагир, чилчагир, мунгальский род в начале XX в. составлявшие основную долю эвенков Баргузинского уезда, кочевали главным образом в его границах. С развитием пушного промысла и золотодобычи часть эвенков постепенно оседала и образовывала постоянные поселения инородцев в Читканской волости. Это Бодонское инородческое отдельное сельское общество, куда входили селение Бодонское и Под-икатское, улусы Амман, Белые воды, Подхребетный, Хабаржан. В это время эвенки Бодонского селения составляли основную долю крещенных православных инородцев. Имеющиеся сведения о распределении населения по вероисповеданию в населенных пунктах следующие: православных душ обоего пола в Бодоне — 196, в Белых водах — 117, в Аммане — 32, в Каваржане — 68, в Подхребетном — 14, итого — 427; шаманистов всего 232 душ обоего пола, из них в Белых водах — 13, в Аммане — 28, в Каваржане — 79, в Подхребетном — 112 [19]. Согласно архивным источникам, наименьшее число крещенных инородцев зафиксировано в северо-восточной части Баргузинского Прибайкалья: одна дача, именуемая Гаргинским (Троицким) миссионерским станом в ур. Курумкан, три дачи — в Улюнском миссионерском стане в урочищах Улюн, Борхон, Ининская степь, в ур. Улук — 7 родов тунгусов и 5 родов бурят [19].

На рис. 2, б представлены изменения родового состава эвенков к первой четверти XX века. В 1869 году всего баргузинских тунгусов насчитывалось 719 душ, из них родовые группы Гальдзогир, Асивагат, Чонголир были объединены в одну небольшую группу — Мунгальскую, самыми многочисленными и равными в соотношении были группы Лимагир и Баликагир — от 300 до 500 душ, Шемагирского рода насчитывалось 140 душ [15]. Из-за вспышки сибирской язвы (1896) почти половина эвенков откочевала в соседние, Баунтовский и Северо-Байкальский, районы. Всего баргузинских эвенков по переписи 1897 г. [18] насчитывалось 527 душ, куда вошли небольшие группы родов Киндыгир и Чильчагир, кочевавшие в верховьях р. Баргузин. В результате миграций и перекочевок некоторых групп из соседних районов к 1912 г. всего насчитывалось 797 душ, родовой состав включал группы Лимагир, Баликагир, Чильчагир и Мунгальский [20, л. 19], долевое соотношение составлено по подворной фамильно-именной переписи и данным старожил.

Влияние христианизации на изменение самосознания и образа жизни эвенков неоднозначно. Так, к седьмой ревизии, к 1816–1818 гг. было окрещено только 13 % баргузинских эвенков, а ко второй половине XIX в. — все. При этом современники сообщали о том, что многие крещенные тунгусы не знали своего христианского имени, что говорит о некой формальности христианизации. Только в смешанных семьях, где другой супруг был русским, можно говорить более-менее надежно о заимствовании религиозных православных обрядов и мировоззрения. Для кочевых эвенков была типична ситуация, когда эвенки «принадлежат к смешанной религии, веруя одинаково и своим языческим культам, и святому Евангелию» [9, с. 137]. Роль ламаизма в культуре эвенков в XIX в. была невелика и сводилась к принятию помощи лам-прорицателей и эмчи-лам (врачевателей), а также к эпизодическому участию в обрядах.

Респонденты подтверждают, что среди низовых баргузинских эвенков «...многие эвенки были крещенные», «...у меня баба Васётка 1898 г.р. крещенная была, очень верующая была. У нас икона была. Она молилась каждый вечер, молитвы знала, у нее отец был крещенный. У многих уже были русские фамилии»; «В Бодоне до революции была церковь св. Пантелеймона, до сих пор считающегося покровителем села. После революции из церкви сделали клуб, потом просто снесли...» [21, с. 168].

К 1912 г. Тунгусо-Баргузинская инородная управа состояла из нескольких селений оседло живущих тунгусов, расположенных в долине р. Баргузина. Всего хозяйств инородцев насчитывалось 157, кочующих — 55, оседлых — 21 в с. Под-икатское и 18 — с. Бодонское. Эвенки составляли большинство старожильческих хозяйств: в с. Под-икатское — 24, в улусах Белые воды — 30, Амман — 12, Хабаржан — 32, Подхребетный — 32, в с. Бодонское — 26 [22].

Этнически смешанными становились жители селений и улусов Под-икатское, Амман, Бодонское. Наибольшее число тунгусов сосредоточилось в селении Бодонском, улусе Беловодско-Хабаржанском и около него в Ининской степи. Земли указанной выше управы и Баргузинской Бурятской степной думы находились в общем пользовании бурят и эвенков и простирались почти от верховьев р. Баргузин по берегам несколько ниже впадения р. Ины. С.К. Патканов отмечал сложности в освоении ресурсов: эвенки конкурировали за землю с бурятами, их соперниками в землевладении были также русские крестьяне Читканской волости [17]. Скотоводство оказало существенное влияние на расселение эвенков в южном направлении по степным местам, пригодным в качестве пастбищ.

Советский период в жизни баргузинских эвенков. С образованием Баунтовского аймака 3 сентября 1924 г. часть территории Баргузинского аймака, занятая тунгусскими родами (I, II-м Чильчигирскими, III-м Киндигирским и отдельным Муйским обществом) отошли в этот аймак [25, 26]. 10 сентября 1925 г. был создан Северо-Байкальский аймак, в состав которого из Баргузинского аймака перешла часть Верхнеангарской волости (села Ирган, Кумора, Ченча) и территория, занятая тунгусскими родами: Киндигирским (Нижнеангарским), Чильчигирским (Верхнеангарским) и Шимагирским (Подлеморским) [23, 24].

В советское время были введены новые принципы и формы территориального устройства, проведена коллективизация сельского населения, включая коренное. Один из новых подходов заключался в организации поселений, которые сначала становились центрами промысловых артелей, а впоследствии — колхозов.

Тотальный перевод эвенков на оседлость стал началом разрыва связи поколений с родовым местом. Так, в 1930–1932 гг. по решению Комитета Совета при Президиуме ВЦИК большинство эвенков из Баргузинского аймака было переселено в Дыренский сомонный Совет в верховья р. Баргузин и присоединено к Баунтовскому аймаку. Главной формой коллективизации была признана сельскохозяйственная артель. На территории Дыренского туземного Совета в течение 1932–1934 годы были организованы следующие артели: «Омактабидэ» («Новая жизнь»), «Пролетарий», «Звезда» и «Орочен» [25]. Образованные в конце 1920-х годов деревни Дырен и Улюнхан, в 1933 г. стали центром нового эвенкийского колхоза «Дылача». Накануне коллективизации баргузинские эвенки разводили скот и практиковали земледелие в небольших объемах. Незначительная часть верховских (дыренских) эвенков занималась сезонным промыслом пушных зверей, в основном белки.

Эвенкийские поселки (Бодон, Амман, Хабаржан и др.) в 1930-е гг. строились на местах прежнего сосредоточения кочующих эвенкийских родов. Эти места располагались вблизи дорог и рек, а также были наиболее удобными для охоты. Обычно они находились на открытой местности, где скот мог содержаться на подножном корму почти всю зиму. В жизнеобеспечении продукты охоты стояли на втором месте после скотоводства. Это подтверждают и старожилы: «...баргузинские эвенки всегда занимались скотоводством в отличие от баунтовских». Основание эвенкийских деревень было частью государственного плана перевода «бродячих тунгусов» Баргузинского аймака (района) на оседлость. В 1936 г. все колхозы объединили в один — им. Ленина. Им использовалась пахотная земля от пос. Шергур до пос. Тазы для посева зерновых (местность Кулдук), кукурузы, подсолнуха, а также под сенокосные угодья. Кроме того, за колхозом были закреплены земли на куйтуне — больших пашнях для выращивания зерновых культур. Оседлый образ жизни окончательно изменил хозяйственный уклад и расселение эвенков.

Перевод на оседлость шел высокими темпами: в 1934 г. в верховьях р. Гарги (приток р. Баргузин) в производственном объединении «Неко» (в ведении Дыренского туземного Совета) состояло 29 человек оленных эвенков в 9 хозяйствах, кочующих в местности Марикты, Маркан и Подыкат. На 1 января 1940 г. в колхозах и в объединении «Неко» насчитывалось уже 97 эвенкийских семей [25]. Старожилы вспоминают, что труд был в основном связан со скотоводством. «В 1940-х годах, во время войны детей эвенков увозили, где-то в Баунте была эвенкийская специализированная школа, и они осели почему-то в Алле и Улюнхане», «в Белых водах, там же пески, раньше ни одного деревца не видно было, все в песках было, дюны... Для выполнения плана кочевали кто куда, иногда в соседние районы...»; «Мы косили сено на Белых водах, и пока совхозу 10 центнеров не накопишь, не примут. Бригадир еще придет, измерит: «Чё-то, Сонька, мало, мало!». Вот такой был, зажимали капитально. В 5 лет мне мама литовку сделала, и я научился косить сено. Раньше еще участков не давали, где хочешь там и коси, но 10 центнеров обязан. Мы 12 км пешком шли с мамой, и на себе литовки и продукты. Для скота совхоза, а еще и своей скотине надо. Но вроде накашивали...».

«В 1950-х годах в самом Курумкане эвенки еще не жили, позже переселились... первой приехала и работала в УСМ (Управление строительством и механизацией) Катя Турчанинова машинистом... эвенки в основном всегда ближе к Баргузину, и выше в северной части котловины жили ... здесь, в Курумкане, до 50-х годов пусто было, камни же везде, кое-где лес. Пастбищ хороших нет. Поэтому первые улицы появились близко к реке, Набережная и Производственная широкие такие, там более-менее есть места для выпаса скота, а позже остальные улицы, они — заметно уже... и там особо никто и не держит скотину» (с. Курумкан).

В 1944–1958 гг. баргузинские эвенки вошли во вновь образованный Курумканский аймак. После его ликвидации в 1959 г. все население снова оказалось в ведении Баргузинского аймака. В 1960-е гг. эвенки проживали среди бурятского населения в поселках Алла, Тазы, Кынкысер, Подыкат, и в русских селах Уро, Суво, Читкан, Душелан, Бодон (рис. 3). Были распространены следующие роды:

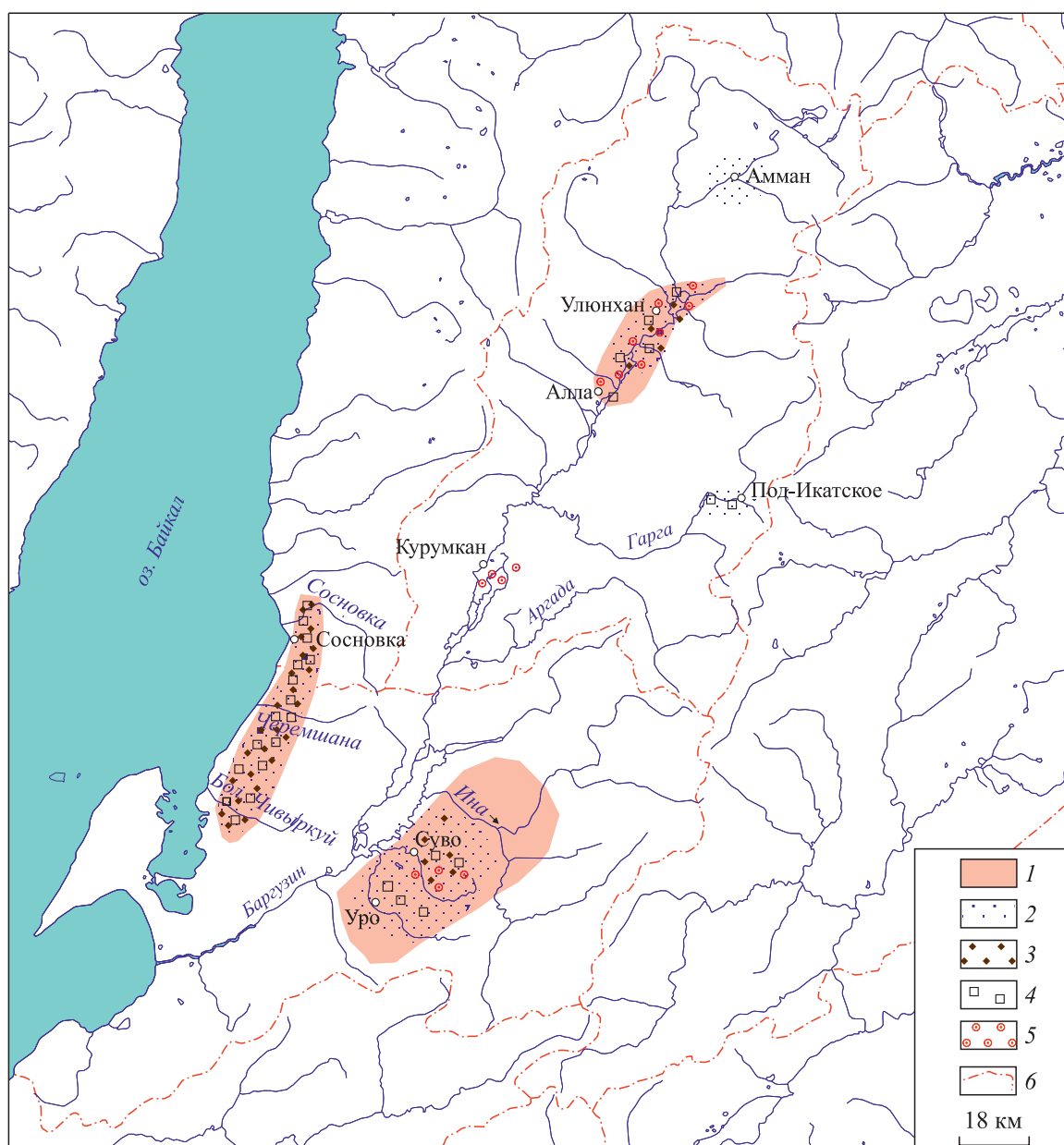

Рис. 3. Карта-схема расселения эвенков на территории Баргузинского Прибайкалья.

Периоды расселения в XVII–XX вв.: 1 — XVII в.; 2 — XVIII в.; 3 — XIX в.; 4 — первая половина XX в.; 5 — вторая половина XX в. 6 — границы территории исследования.

Гальдэгир, Тэпкэгир, Баликагир, Ошивагат. Из родов Лимагир, Якол, Киндыгир уже никого осталось [7]. Это подтверждают сами коренные жители. «Я рода Асивагат, мама у меня была Гальдэгир. Там все смешано жили по родовому составу, и буряты жили, иногда русские. В Суво пять-шесть семей бурят жило, семь семей эвенков, остальные русские. Она же русская деревня уже была. Потом в школу надо было и переезжали: кто в Суво, кто в Бодон. В Бодоне школа была 4-классная, а в Суво восьмилетка, и бодонские все время к нам ездили на машине в школу. Не зря бодонских бодонскими тунгусами называют. Смотришь фамилию — русский, а на лицо то они братсковатые такие, узкоглазые, скулы такие. Они все уроженцы с Белых вод. Ларионовские вот, ихние родители — они все с Бодона. Они смешанные с русскими эвенки. Потом кто куда разбежались, в основном в Курумкане осели. В Суво остались тетя Шура Наргулева, Ильиновские, Дарья Дмитриевна Вачеланова, Копейкинские, наш поэт Виктор Копейкин. Кэлбэновские жили: тетя Маруся и тетя Нина... Но их сейчас уже никого нету».

Трансформация образа жизни и переход к занятию скотоводством в колхозах вызвали частичное антропогенное преобразование природного ландшафта. Произошло расширение пастбищных угодий, изменение растительности. Территориальные изменения в расселении эвенков выразились в сужении ареала кочевков и постоянно обживаемого пространства (см. рис. 3). При этом три описанных ареала расселения (вдоль линии берега Байкала в районе рек Большой Чивыркуй, Большой Черемшанной и Сосновки; в нижнем течении р. Баргузин; в верховьях р. Баргузин) обнаруживают преемственность в течение всего изучаемого периода.

К концу XX в. наибольшую долю среди баргузинских эвенков составили роды Тэпкэгир, Асивагат, Гальдэгир, далее Чонголир, Баликагир, Нгдогир, исчезают упоминания об административных родах.

В ходе наших полевых исследований 2022 г. выявлено что основная часть эвенков преимущественно говорит на русском языке, имея эвенкийскую самоидентификацию. Это свидетельствует об интенсивности аккультурационных процессов. В итоге люди старшего поколения помнят свои традиции, происхождение, одинаково свободно говорят на эвенкийском, бурятском, русском языках. Знание родного языка хуже у молодых людей, эвенкийская молодежь практически не говорит на родном языке. Усиление межкультурных заимствований с русскими и бурятами и утрата языка, смешения с бурятской и русской этническими группами произошли во второй половине XX в. В настоящее время баргузинские эвенки проживают в основном в Курумканском районе, главным образом в поселениях Дырен эвенкийское, Улюнхан эвенкийское, с. Курумкан.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За исследуемый период в родовом составе, численности, расселении эвенков на территории Баргузинского Прибайкалья во второй половине произошли значительные изменения. Проследить их позволило обобщение исторических, архивных и полевых материалов, на основе которых были выявлены особенности формирования геокультурного комплекса баргузинских эвенков. К ним относятся ареальная устойчивость расселения, приуроченность к необходимым для жизнеобеспечения природным ресурсам, относительная стабильность родового состава с присущей ему динамикой, обусловленной миграционной подвижностью и межкультурными контактами. Локализация основных районов исторического расселения приурочена к ядрам охотничье-промыслового и скотоводческого геокультурного комплекса. Наибольшие значения численности эвенков и количества населенных пунктов с долей эвенкийского населения зафиксированы в дореволюционный период.

Изменения в расселении и коренная геокультурная перестройка образа жизни эвенков произошла в советский период. С тех пор и до настоящего времени продолжается трансформация традиционного уклада жизни и идентичности баргузинских эвенков.

Наложение оседлого и кочевого типов расселения позволило заполнить ячейки сети расселения различными по функциональному назначению ареалами. Связь с территорией, закреплённая в памяти о предках и родовой принадлежности, местах родового кочевания, традиционных хозяйственно-культурных практиках, позитивно повлияли на этническую, региональную (баргузинскую) самоидентификацию сообщества. Устойчивая локализация освоенных ареалов и кочевых маршрутов XVII—начала XIX в. стали основой для формирования современного расселения эвенкийского и смешанного населения Баргузинского Прибайкалья.

Работа выполнена за счет средств государственного задания Института географии им. В.Б. Сочавы СОРАН (AAAA-A21-12101210019-9, AAAA-A21-121012190063-2).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байкальская природная территория. Карта. М-6 1:1 000 000 // Атлас Байкальской природной территории [Электронный ресурс]. — <http://geol.irk.ru/-baikal/terr/mterrmap/terrmapred2-2012/terr-map-bpt-mln-2012> (дата обращения 18.04.2023).
2. Рагулина М.В. Культурная география: теории, методы, региональный синтез. — Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2004. — 171 с.
3. Цыдыпова Л.С. Историко-географические особенности формирования этнокультурного ландшафта Баргузинского Прибайкалья. — М.: Инфра М. Сер. Научная мысль, 2018. — 156 с.
4. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири XVII в. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — 662 с.
5. Крашенинников С.П. в Сибири. Неопубликованные материалы. Реэстр, сколько под Баргузинским острогом и Баргузинского ведомства острожками ясаших тунгусов имеется и на сколько родов разделены / Отв. ред. А.П. Окладников. — М.: Наука, 1966. — 244 с.
6. Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, языки и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 года) // Записки РГО. — 1912. — Т. XI, вып. 3. — С. 595–605.
7. Окладников А.П. Археологические исследования в Бурят-Монголии // Изв. АН СССР. Сер. истории и философии. — 1951. — Т. VIII, № 5. — С. 440–450.
8. Василевич Г.М. Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII–начало XX в.). — Л.: Наука, 1969. — 304 с.
9. Румянцев Г.Н. Баргузинские летописи. — Улан-Удэ: Бурят-Монгол. кн. изд-во, 1956. — 150 с.
10. Воскобойников М.Г. Некоторые данные по этнографии эвенков Бурятии // Этнографический сб. — 1961. — Вып. 2. — С. 29–42.
11. Шубин А.С. Краткий очерк этнической истории эвенков Забайкалья (XII–XX вв.). — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1973. — 108 с.
12. Вампилова Л.Б., Нанзатов Б.З. Эвенкийский период освоения ландшафтов Баргузинской котловины // XXI Царскосельские чтения. — СПб.: Изд-во Ленинград. ун-та им. А.С. Пушкина, 2017. — С. 295–302.
13. Кабузан В.М., Троицкий С.М. Новые источники по истории населения Восточной Сибири во второй половине XVIII в. // Советская этнография. — 1966. — № 3. — С. 23–47.
14. Малых П.П. Орочены Баргузинской тайги // Жизнь Бурятии. — 1924. — № 6. — С. 8–10.
15. Востриков А.И., Поппе Н.Н. Летопись баргузинских бурят // Тексты и исследования. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. — 120 с.
16. Высочайше утвержденная под председательством статс-секретаря А.Н. Куломзина комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области // Материалы. Спб.: б.и. — 1898. — Вып. 5. — 377 с.
17. Сирина А.А. Эвенки и Баргузинский заповедник: история взаимоотношений в контексте современных тенденций развития ООПТ // Изв. Лаборатории древних технологий. — 2021. — Т. 17, № 4. — С. 78–91.
18. Государственный архив Иркутской области. — 1905. — Ф. 689, оп. 1, док. 293. — 48 л.
19. Национальный архив Республики Бурятия. — 1912. — Ф. 352, оп. 1, док. 14. — Л. 5.
20. Национальный архив Республики Бурятия. — 1911. — Ф. 352, оп. 99, док. 13. — Л. 4–5.
21. Мисюркева Ю. Бодон: маленькая деревня, большие потрясения... // Байкальская Сибирь. Предисловие 21-го века. Альманах. — Иркутск: Ирк. обл. тип. № 1 им. В.П. Посохина, 2007. — 304 с.
22. Национальный архив Республики Бурятия. — 1912. — Ф. 247, оп. 1, док. 18. — Л. 10.
23. Бурятская АССР (АТД) на 01 июля 1960 года. Стат. сб. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960 — 86 с.
24. Национальный архив Республики Бурятия. — 1912. — Ф. 195, оп. 3, док. 2. — Л. 93–94.
25. Тутолуков В.А., Шубин А.С. Колхозное строительство у эвенков северной Бурятии и его влияние на их быт и культуру // Этнографический сборник. — 1969. — Вып. 5. — С. 42–64.

Поступила в редакцию 10.02.2023

После доработки 14.07.2023

Принята к публикации 23.11.2023